
ЛЕНИН КАК ПОЛИТИК И ЧЕЛОВЕК В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.А. Котеленец

Российский университет дружбы народов
Факультет гуманитарных и социальных наук
Кафедра истории России
Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются основные этапы и тенденции изучения Ленина как политика и человека. Особое внимание уделяется российским и зарубежным исследованиям последней четверти века, начиная с конца 1980-х гг. и до сегодняшнего дня, новым направлениям осмысления фигуры политического деятеля – его культа и харизмы, феномена вождизма и личной опоры. Автор объясняет причины новой волны апологетики Ленина и иррационального интереса к нему, намечает перспективы дальнейшего изучения личности революционера и реформатора.

Ключевые слова: лениноведение, ленинизм, теоретическое наследие, культ, харизма, вождизм, окружение политика, архивы.

Каждая эпоха вносила свои особенности в осмысление личности В.И. Ленина. После смерти вождя Советского государства изучение Ленина велось в условиях его обожествления (1). Однако спустя почти семь десятилетий пришло время «упрощения», «выпрямления» и даже развенчания Ленина в угоду меняющимся политическим обстоятельствам.

Спорящих о Ленине можно разделить на три группы: традиционалисты, центристы и радикалы.

Одни полагают, что ленинизм и марксизм-ленинизм – это нечто «святое» и «непогрешимое».

Другие считают, что необходимо научное, объективное, уважительное и вместе с тем критичное, свободное от стереотипов и иллюзий отношение к идеям Ленина, смелое их обсуждение и оценка.

Третьи заняты доказательством едва ли не тотальной устарелости ленинизма, его ненужности и ответственности за те беды, которые пережила страна в XX в. Обилие точек зрения, взглядов и концепций требуют их анализа и определенного подведения итогов.

Начавшаяся в середине 1980-х гг. перестройка вызвала к жизни требование «назад к Ленину». Именно тогда Ю.Н. Афанасьев связывал «ренессанс ленинизма» с вопросом об альтернативности истории (2). Неслучайно главное внимание ученых сосредоточилось на последних годах жизни Ленина и его «политическом завещании». В журнале «Коммунист» в январе 1988 г.

была воспроизведена долгое время недоступная статья Н.И. Бухарина «Политическое завещание Ленина», а в следующих месяцах «Правда» опубликовала документальный репортаж «Ленинское завещание» (3).

Своеобразный конспект проблемы наметил в 1989 г. в статье «Сталинизм» М.Я. Гефтер. Для него Ленин кануна ухода из жизни – это мыслитель, который вплотную подошел к «переоткрытию социализма», хотя этот иной социализм не мог уже быть «исправленной копией предоктябрьского замысла» (4).

Развернутый анализ последних ленинских трудов дается в книге «Политическое завещание В.И. Ленина» Е.Г. Плимака.

Признав, что в исторической литературе укореняется манера объяснять негативные процессы сталинских времен отступлениями Сталина от заветов Маркса, Энгельса, Ленина, его злой волей, его преступлениями, историк обратил внимание на реальные факторы истории. В обстановке предвоенных лет, сложнейшей внешней и внутренней ситуации, в которой очутился в конце 20–30-х гг. Советский Союз, при раздорах в ленинском ядре партии, мешавших принимать всесторонне взвешенные решения, осуществлять продуманные повороты в политике, «казарменности» и черт «грубого коммунизма» было не избежать (5).

В 1988 и 1989 г. весьма часто цитировались слова Ленина о «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм», поскольку это выводило на постановку вопроса о социализме как строе цивилизованных кооператоров. Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов предложили разобраться в том, какая была точка зрения на социализм у Ленина раньше, привлекли внимание историков к положению, сформулированному в 1917 г., о том, что «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу народа всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» (6). В 1990 г. эти же историки вместе с В.Т. Логиновым выступили с циклом статей «Суд над Лениным».

На рубеже 1980–90-х гг. сложившаяся в советское время «лениниана» (7) дополнилась принципиально новыми источниками мемуарного и публицистического жанра (8).

Важной особенностью нового этапа стало свободное знакомство с взглядами западных мыслителей и исследователей, многие из которых были в самые сжатые сроки переведены, другие публиковались в Европе и США на русском языке и доходили до отечественных историков либо через открывающиеся спецхраны, либо с помощью зарубежных коллег (9).

Международную панораму взглядов на личность Ленина впервые представил «круглый стол» Агентства печати «Новости».

Профессор Принстонского университета Роберт Такер призвал видеть двух Лениных – Ленина-революционера и Ленина-реформиста. По мнению профессора из Шотландии Пола Дьюкса, «социализм создавался в России по ленинским концепциям, которые базировались на марксизме XIX в.», одна-

ко идеология социализма и капитализма, сформированная в прошлом веке, не может уже служить ориентиром для практики сегодня, в конце двадцатого века, а тем более в будущем. Для профессора из США А. Рабиновича Ленин был необычайно сильной и решительной личностью и одновременно гибким политиком. Однако, действуя столь решительно, Ленин самолично уничтожил возможность создания в 1917 г. многопартийного коалиционного демократического социалистического правительства (10).

В конце 1980-х гг. историки также предложили освободиться от деформаций и искажений Ленина и ленинизма. В частности, от преувеличения роли Ленина, толкования его действий как проявления сверхестественных, почти нечеловеческих качеств, а мыслей – как абсолютной истины; от харизмы, которая только и может помочь правильно реализовать объективные общественные законы (11).

Однако даже для партийных ученых часть документов из ленинского наследия оставалась закрытой. Озабоченность вызывали примерно 300 документов (письма, телеграммы Троцкому, Бухарину, лидерам оппозиции, материалы личного характера и т.д.), которые никогда не публиковались и вокруг которых так или иначе циркулировали слухи, домыслы и легенды.

После известных событий августа 1991 г., связанных с распадом советской системы и СССР, резко и быстро меняются условия и структуры прежнего лениноведения. В этих условиях не прекратилось, однако, расширение источниковой базы для изучения одной из центральных исторических фигур XX в. и его окружения (12). Среди новых документов из рассекреченных российских архивов выделялся цикл публикаций в альманахе «Неизвестная Россия. XX в.» (13).

Принципиальное значение приобрел вопрос о нашумевших и вызвавших большую дискуссию текстах из архивного фонда Ленина.

По мнению биографа Ленина В.Т. Логинова, ценность ранее засекреченных документов несомненна. Они освещают ряд сюжетов, которые раньше вообще исключались из официальных изданий. Это касается, в частности, некоторых финансовых вопросов, связанных с деятельностью РСДРП в дооктябрьский период: переписка о «наследстве Н.П. Шмита» (1909–1911 гг.), с Карлом Каутским, Кларой Цеткин и Францом Мерингом о деньгах, переданных им на хранение большевиками.

Особую группу документов составляет «дело Малиновского» (1914 г.), изобличенного позднее в связях с охранкой, а также переписка с Инессой Арманд, запрет на которую в прежние времена можно объяснить лишь ханжеством составителей Полного собрания сочинений (14).

Проблема, однако, заключалась в характере интерпретаций, которую представили те, кто первым получил доступ к новым документам.

Среди трех десятков писем Ленина Арманд, включенных в опубликованный сборник Ричарда Пайпса и сборник РГАСПИ «Неизвестный Ленин», одно письмо от 6 января 1917 г. (15) содержит фразу: «Насчет “не-

мецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой». Пайпс усмотрел в нем наконец-то найденное подтверждение «контактам Ленина с германцами». Логинов же предложил поставить данное письмо в контекст всей переписки, в том числе и давно опубликованной в 49-м томе Полного собрания сочинений. И тогда получается, что сначала 3 января 1917 г. Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, займут французы. Что же касается Цюриха, где жил в это время Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покидать Цюрих нет необходимости, ибо «война невероятна».

В ответном письме Инесса, очевидно, писала, что Ленин недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а поэтому надо думать о переезде. Вот Ленин и написал ей 6 января, что «насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны...».

Таким образом, не о связях с немцами шла речь, и поспешное предположение Пайпса оказывается несостоятельным. Другой пример касался опубликованной Пайпсом записки Ленина, которая якобы инициировала начало массового «красного террора» (16).

Заметным событием стал выход в 1994 г. массовым тиражом двухтомника Д.А. Волкогонова «Ленин». Уже на первых страницах книги автор определяет черты своего героя:

- «а) мощный, но циничный интеллект;
- б) огромная сила воли в оправе безнравственности;
- в) безапелляционность и нетерпимость ко всем, кто не разделяет его взглядов;
- г) мышление его было сильным, гибким, изощренным, коварным;
- д) Ленин был по происхождению и по сути космополитом» (17).

Смысл основного постулата книги состоял в следующем: «Ленин не был великим мыслителем. Ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался. А это – исторический приговор для человека, которого считали гением» (18).

Общественная и сугубо научная реакция, которую вызвала книга Волкогонова, приобрела самостоятельное значение.

Одной из первых попыталась упредить характер обсуждения известная диссидентка 70-х гг. Дора Штурман. «Либеральный» поворот Волкогонова в подходе к Ленину она попыталась объяснить вполне «реально-политическими» соображениями. По мнению Штурман, новые документы в принципе не изменяют облик Ленина. Согласно ее интерпретации, Волкогонов, изображающий себя «сталинистом-идеалистом», пытается завуалировать то, что он и сам способствовал сокрытию от публикации упомянутых документов о Ленине и Сталине (19).

В пространном отклике для американского журнала «The Nation» Р.А. Медведев подчеркнул непосредственную связь между «наивным мора-

лизирующим тоном» биографии Ленина и политической функцией Волкогнова, когда тот являлся военным советником (20). В этом же журнале, в том же номере был опубликован отзыв на книгу и профессора Колумбийского университета Марка ван Хагена, показавшего происхождение волкогновской биографии Ленина из атмосферы «холодной войны»: «Истории Волкогнова и Пайпса немного отличаются от более враждебной ориентации поколения холодной войны, однако идеологически эти два автора, может быть, даже грубее своих предшественников» (21).

В обстоятельном разборе книги «Ленин» Н.И. Дедков писал: «Книга Волкогнова, по сути дела, представляет собой длинный мелочный счет, выписанный Ленину. Все включено – и “картежная терминология”, и “заразительный пример”, и преступления Сталина, и застой времен Брежнева. Все негативное, отталкивающее в истории Советского государства, что только можно было найти, собрано, подсчитано и вменено в вину Ленину. И не беда, что для доказательства причастности Ленина ко всем бедам России не хватает фактов – аргументы подменила пламенная речь уверенного в собственной правоте “патриота-демократа”» (22).

5 ноября 1994 г. в Москве при непосредственной поддержке Президента РФ и правительства Москвы прошла научно-практическая конференция «Октябрь 1917 г. и большевистский эксперимент в России» (23).

Центральный тезис был сформулирован А.Н. Яковлевым и А.М. Салминым о том, что Россия благодаря стараниям Ленина зашла «не туда» в 1917 г. и большевики столкнули страну со «столбовой дороги цивилизации», «универсального мирового пути развития» (24).

Однако это утверждение легко снимается тезисом об историческом тупике, в котором оказался весь «цивилизованный» Запад и такие его ведущие политики, как Вудро Вильсон, Жорж Клемансо, Ллойд Джордж, вступив в Первую мировую войну, за которой последовали Версальский передел мира, Великая депрессия 1929–1933 гг., наконец, Вторая мировая война.

Октябрьская революция, по мнению Е.Г. Плимака (25) выросла не из ленинской «неуемной жажды власти» и не из робеспьеровско-ленинской «похоти власти», а из бездеятельности Временного правительства, как поначалу буржуазного, так и последующего коалиционного, которое ни в одном пункте не пошло навстречу народным требованиям мира, земли, хлеба.

В 2000-е гг. политизация проблемы изучения Ленина как политика и человека никуда не исчезла. В сугубо антиленинском духе написана книга доктора исторических наук, «русского патриота» (как он сам себя определяет) В.М. Лаврова «В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор» (26).

Избранная автором форма – не биография Ленина, а без какой бы то ни было системы собранные материалы, многие из которых не имеют отношения собственно к этой исторической фигуре. К примеру, чуть ли не половина книги посвящена Русско-японской войне, П.А. Столыпину и Николаю II в годы Первой мировой войны.

Рецензент книги Ю.В. Емельянов справедливо обратил внимание на так называемую «логику» Лаврова при разборе ленинских работ. К примеру, приведя ленинское определение материи («материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»), Лавров так «уличает» своего героя: Ленин «вслед за этим не задал вопроса о том, что же такое объективная реальность? Не задал потому, что отсутствует вразумительный ответ: ведь выходит, что материя – это объективная реальность, а объективная реальность – это материя, которая, в свою очередь, является объективной реальностью, то есть сказкой про белого бычка, тавтологией и игрой в термины, выдаваемой за великое и гениальное научное открытие». И хотя Ленин не отождествляет «материю» с «объективной реальностью», а считает ее «философской категорией для обозначения объективной реальности», Лавров явно не смог понять смысла этого определения (27).

Несмотря на противодействие определенных политических сил, продолжался выход книг, в которых проблемы ленинизма рассматривались в сугубо научном ключе. В частности, ему следуют авторы сборника «Ленинизм и Россия», изданном на Урале в 1995 г.: «Большевизм нуждается в имманентной критике, а не в предании анафеме» (28). В книге красноярского исследователя В.И. Замышляева используется сравнительный метод анализа, сопоставление Ленина с современными политиками России 1990-х гг. (29). Учению Ленина во взаимосвязи с анализом его личности посвящена книга В.А. Поцелуева (30). Показывая Ленина как нестандартную личность, автор критически оценивает ленинизм, считая не органичным России.

Начиная с 2000-х гг. ориентация на всестороннее изучение одной из самых заметных политических фигур в истории России усиливается. В фундаментальной монографии Е.Г. Плимака «Политика переходной эпохи: опыт Ленина», опубликованной в 2004 г., предпринята попытка создания интеллектуальной биографии политика в контексте исторической ситуации в России и мире на рубеже XIX–XX вв.

По мнению автора, отрыв личности Ленина от реалий эпохи – главная ошибка защитников и ниспровергателей создателя Советского государства.

В переломные годы в истории человечества происходит коренная и очень болезненная ломка прежних форм общественной, политической, культурной жизни, что одними воспринимается как крах цивилизации, другими – как очищение и освобождение. «Революции, – пишет Плимак, – втягивая в политическую жизнь огромные массы людей, необыкновенно ускоряя и усложняя ход событий, вместе с тем обнажают узость, неполноту и ограниченность прежних представлений, с которыми вожди и теоретики революций приступали к тем или иным действиям, выдвигали те или иные лозунги, пытаясь руководить событиями или людьми» (31). Ленин сумел предложить выход из кризисной ситуации, который в то время не казался утопическим.

Автор не отрицает личных ошибок Ленина – преувеличение капиталистического характера российской экономики, примитивное представление о государстве только как об орудии подавления масс, односторонняя оценка народничества, установление сомнительного принципа партийности.

Заметным событием в российском лениноведении стал выход в 2005 г. книги В.Т. Логинова «Владимир Ленин. Биография. Выбор пути» (32).

Значительная часть книги посвящена личностным аспектам биографии, к примеру, отношению к Богу, влиянию отца – Ильи Николаевича Ульянова, этого выдающегося русского просветителя.

Автор избегает привычных для постсоветского времени упрощений и заказного антикоммунизма, поскольку следует доскональному анализу источников, особенно мемуарных. Весь строй книги свидетельствует о тенденции перевода дискуссии о Ленине и его наследии в конструктивное русло, отказа от конъюнктурного стремления свести все к бессмысленному разоблачительству. Новая книга В.Т. Логинова «Неизвестный Ленин», вышедшая в 2011 г., посвящена только одному 1917 г. – возвращению вождя в Россию, корниловскому мятежу, подготовке к восстанию и созданию Совнаркома.

В русле серьезных непредвзятых подходов находятся исследования Б.Ф. Славина «Ленин против Сталина. Последний бой революционера», в которой анализируются последние годы жизни руководителя государства, Г.Л. Соболева и А.И. Колганова, развенчивающие миф о «немецком золоте», который в 2000-е гг. стал предметом не только весьма многочисленных публикаций, но и занял весьма немалое время на телевидении (33).

История о политическом авантюристе Парвусе, вознамерившемся на деньги германского Генерального штаба и руками Ленина устроить в России революцию, получила широчайшее распространение. Приведенные историками факты и сведения о том, как фальсифицировались документы о «немецком золоте», свидетельствуют, что к происхождению русской революции эта финансовая помощь никакого отношения не имеет.

Общественный интерес к ранее закрытым обстоятельствам личной жизни Ленина был реализован в последнее десятилетие историками К.Е. Енко, обратившегося к сравнению частной жизни вождей революции, А.А. Арутюнова, проанализировавшего различные переплетения личностной и политической биографии, Е.Е. Данилова, попытавшегося раскрыть тайны жизни и смерти вождя, Б.В. Соколова, обобщившего исследования и новые документальные свидетельства об отношениях Ленина и Инессы Арманд, А.П. Кроткова, показавшего, что и личная жизнь оказалась у политика крайне необычной (34).

Отдельную группу новейших работ составляют книги писателей и публицистов, написанные буквально за последние два года на основе использования художественного метода в создании образа Ленина, отличного от того, который был создан советской ленинианой.

В частности, в романе С.Н. Есина «Смерть титана» жизнь вождя раскрывается через гипотетические монологи родных и ближайших соратников

(35). Л.М. Млечин в книге «Ленин. Соблазнение России» попытался понять невероятную способность вождя убеждать окружающих в собственной правоте (36).

За последние двадцать лет зарубежное лениноведение также пополнилась новыми изданиями.

Кевин Андерсон посвятил свой труд теме «Ленин, Гегель и западный марксизм: критическое изучение» (1995). В нем восполнялись очевидные пробелы в изучении ленинской мысли, которое находится все еще в «зачаточном состоянии». Американский историк пришел к парадоксальному выводу: ленинский образ мыслей серьезно изменился после чтения Гегеля в 1914 г., можно было бы даже говорить о «гегелизации марксизма» в XX в., если бы не было вопроса о том, как марксисты восприняли, а вернее, отвергли ленинские тетради (37).

В книге Нейла Хардинга под кратким заголовком «Ленинизм» (1996) дается обзор важнейших ленинских идей, на основе которого доказывается тезис, что собственно ленинизм, как идейная система взглядов, сформировался в 1914–1917 гг. под непосредственным влиянием Первой мировой войны. Поэтому основным ленинским сочинением является «Империализм, как высшая стадия капитализма». Автор противопоставляет это сочинение работе «Что делать?», считавшейся главной, но не являвшей теоретическую позицию марксизма, доминирующую во II Интернационале.

Только после начала войны Ленин стал формулировать позицию, которая была альтернативой европейскому социализму, «предавшему идеи Маркса» (38).

В отличие от названных выше авторов в двухтомной, переведенной в России в 1997 г., и трехтомной биографиях Ленина, написанных Луисом Фишером и профессором Лондонского университета Робертом Сервисом (39), была сделана попытка преодолеть тенденцию, которая преподносила Ленина по «кусочкам», отделяя политическую мысль от политической деятельности и постоянно вычлняя то и другое из более широкого исторического контекста.

Историческое сообщество России смогло также познакомиться с книгами тех зарубежных авторов, которые поднимали новые проблемы, связанные с Лениным. Среди них книги Абрахама Резника «Ленин: основатель Советского Союза» (2004) и Кристофера Рида «Ленин: революционная жизнь» (2005) (40).

Французская исследовательница, историк и политолог Элен Каррер д'Анкосс в русском издании «Ленин» (2010) также стремится вырвать Ленина из «объятий» идеологических страстей, поместить его «в историю ушедшего века, который, хотим мы того или нет, находился под властью его идей и его воли» (41).

В последнее десятилетие усилиями ряда зарубежных и российских историков утвердилось новое направление исследований – изучение культуры

Ленина. Как показали Бенно Энкер, Нина Тумаркина и Ольга Великанова, культ Ленина обусловлен не только специфическими условиями породившего его общества, но и различными антропологическими и культурными факторами (42). В культе Ленина существует аспект религиозного символа с такими атрибутами, как вездесущность, бессмертность и совершенство высшего существа, аспект родового символа – символ отца, защитника, покровителя, аспект политического символа, выполняющем мобилизационную функцию и олицетворяющем коммунистическую партию, Советскую власть, социализм.

В 2008 г. увидела свет и книга Роберта Пейна «Ленин: Жизнь и смерть», написанная еще в 1964 г.

Английский автор, по его собственному признанию, предпринял попытку провести грань между Лениным-легендой и Лениным-человеком, каким он был наяву, живым, одушевленным, с огромными возможностями, с такой энергией, что даже после его смерти людям казалось, будто он продолжает излучать ту же силу, лежа в мавзолее. При этом «это история сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением».

Однако вот что происходит с главной идеей книги. Пейн декларирует: «В конце жизни, осознав, что пришлось претерпеть русскому народу и на какие невыносимые жертвы он обрек людей, утверждая свою диктатуру над ними, Ленин вынужден был признать свою ошибку: оказалось, он вел народ неверным путем. “Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России...”, – произнес он; более честной эпитафии не придумаешь. Мало кто из властителей, оставивших свой след в истории, способен произнести покаянные слова такой силы» (43).

Если же взять 45-й том Полного собрания сочинений В.И. Ленина и открыть страницу 356, то можно прочесть следующее: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации...». Это было сказано 30 декабря 1922 г. и касалось одного частного вопроса, но Пейн «накинул» эти слова на всю жизнь и деятельность человека.

В последнее пятнадцатилетие обозначились еще две новые тенденции. В постсоветских условиях резко поднялась новая волна апологетики Ленина (44).

Ее старт отчетливо просматривался в 1995 г. на научной конференции «Ленин и современность», посвященной 125-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина (45). В этом же русле находится работа А.И. Субетто, вышедшая в 2010 г. (46).

Вторая тенденция связана с тем, что Ленин стал объектом астрологических «доказательств» и прочих «выводов» специалистов по оккультным наукам (47). Не отстают в этом отношении от российских коллег и некоторые западные историки (48).

Итак, при подведении итогов уместно подчеркнуть, что фигура Ленина еще не стала предметом исключительно архивных и научных изысканий. Более того, такие авторы, как Ю.Г. Буртин, вообще выдвинули новые перспективы возвращения к этой сложной, во многом не понятой политической фигуре, поскольку «если Сталин (вслед за октябрьским Лениным) – наше неизжитое прошлое, гирей висящее на ногах, то поздний Ленин – будущее, до которого мы и нынче еще не в состоянии дотянуться» (49).

Научный анализ дискредитирован поспешностью и превращением Ленина и его политического окружения в объект современной политической борьбы. Поэтому на экстремистский подход (работы Д.А. Волкогонова, В.А. Солоухина, А.Г. Латышева, В.М. Лаврова и др.) сразу же нашелся ортодоксальный и нетерпимый ответ (книги Ж.А. Трофимова, Ф.Д. Волкова, В.Н. Гончарова, В.Н. Филиппова и др.). И пока продолжается это противостояние, спокойные научные разработки проблемы остаются достоянием лишь ограниченного круга читателей. Однако исследование Ленина и его наследия не прекратилось, идет накопление идей и фактов, которые рано или поздно будут востребованы современниками, в том числе теми, кто уже устал от конфронтации. И тогда, возможно, Ленина попытаются оценить не с позиций настоящего, запросов актуальной современности, а исходя из смысла того времени и того конкретного состояния эпохи, в которой он жил и действовал.

Рано или поздно будет воспринято предложение о необходимости воспринимать личность Ленина в аспекте эволюции революционера. Проходя суровую школу российских революций, он «переставал быть безоглядным революционером». В начале своей деятельности Ленин был действительно пламенным революционером, желающим не столько учиться у истории, сколько учить историю.

Однако после Октября 1917 г., в дни Бреста, Ленин осознал, что дорога к социализму «никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной», признал, что «кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится».

В конце Гражданской войны, накануне перехода к собственным путям «постепенного прогресса», он признал в «Детской болезни “левизны” в коммунизме» и то, что российские революционеры в чем-то весьма существенном нарушили наставления Чернышевского: «Политическая деятельность – не тротуар Невского проспекта» (50).

В этом отношении весьма актуальны методологические замечания о том, что если история не постигается из нее самой, если смысл прошлого заимствуется в настоящем, то многообразие прошлой реальности сужается до рамок, заданных сегодняшним днем, а самоценность исторических процессов растворяется в политической заданности исторических описаний (51).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Шульгин В.В. Три столицы. – М., 1990. – С. 89.
- (2) Перестройка: гласность, демократия, социализм. Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1988. – С. 499.
- (3) См.: Наумов В., Курин Л. Ленинское завещание // Урок дает история / Под общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова. – М., 1989. – С. 7–56.
- (4) Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. – М., 1991. – С. 414.
- (5) Плимак Е.Г. Политическое завещание В.И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. – М., 1989. – С. 7, 218–219.
- (6) Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. – М., 1992.
- (7) См.: Лениниана: Библиографический обзор русской литературы: В 5 т. – М.; Л., 1926–1930; Лениниана: Библиографический указатель произведений В.И. Ленина и литературы о нем. – Т. 1–19. – М., 1971–1988.
- (8) Ленин. Человек – мыслитель – революционер. Воспоминания и суждения современников. – М., 1990. В этом же ряду следует назвать и опубликованный впервые после 1924 г. сборник: Недорисованный портрет. 1920 год: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях / Сост. К.И. Буков, Л.Н. Лашманова, Л.М. Тараканова. – М., 1990; Вождь. Ленин, которого мы не знали / Сост. Г.П. Сидоровнин. – Саратов, 1991; и др.
- (9) См.: Ленин. Взгляд с Запада: Сб. статей / Отв. ред. Е.А. Самарская. – М., 1990. В книгу вошли статьи западных интерпретаторов ленинизма М.А. Абрамова, С.М. Брайовича, М.Н. Грецкого, В.И. Мануйлова, Б.К. Ярцева, которые ранее не переводились на русский язык и которые давали конкретное представление о западной историографии изучения проблемы.
- (10) Полностью материалы «круглого стола» были опубликованы отдельной брошюрой на нескольких зарубежных языках под названием «Идеи Ленина и будущее социализма». – См., напр.: Die Ideen Lenins und die Zukunft des Sozialismus. – М., 1990.
- (11) Ленинская концепция социализма. – М., 1990; Постигая Ленина: Мат-лы науч. конф. – М., 1990; Ленин, о котором спорят сегодня. – М., 1991.
- (12) Валентинов Н. Недорисованный портрет / Сост. Н. Канищева, О. Лежнева. – М., 1993; Иоффе Г. История русской революции в «НЖ» // Новый журнал. – 1996. – Кн. 202; Был ли Ленин немецким агентом. Документы. – СПб., 1994; Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. – М., 1990. См. также: Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства / Сост. А. Арутюнов. – М., 1999.
- (13) См.: Ленину о Ленине. Письма 1918–1921 гг. // Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – С. 12–27; Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ (Публикация Л.П. Кошелевой и Н.В. Тепцова). – Там же. – М., 1993. – С. 9–26.
- (14) См.: Логинов В. Несостоявшаяся сенсация // Свободная мысль. – 1997. – № 12. – С. 87.
- (15) Там же.
- (16) Там же.
- (17) Волгогонов Д. Ленин. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 17–18.
- (18) Там же. – С. 10, 12–14, 27–28, 34.
- (19) См.: Штурман Д. Московские новости, которые не стареют // Новое русское слово. – N. Y., 1993. – January 29. – С. 7.
- (20) См.: Medvedev R.A. In the Lenin Archive // The Nation. – 1995. – January. – P. 134–137.

- (21) См.: Hagen Mark von. Afterword // *The Nation*. – 1995. – January. – P. 137–138.
- (22) Дедков Н.И. «Как я документально установил», или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин» // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. – М., 1996. – С. 137.
- (23) Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. – М., 1995.
- (24) См.: Там же. – С. 16, 58.
- (25) Плимак Е. Современные споры о Ленине // *Свободная мысль*. – 1996. – № 2. – С. 84–85.
- (26) Лавров В.М. В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор. – М., 2008.
- (27) См.: Правда. – 2009. – 22 апр.
- (28) Ленинизм и Россия. – Екатеринбург, 1995. – С. 245.
- (29) Замышляев В. Ленин: история и современность. – Красноярск, 1999.
- (30) Поцелуев В. Ленин. – М., 2003.
- (31) Плимак Е. Политика переходной эпохи: опыт Ленина. – М., 2004. – С. 7.
- (32) Логинов В.Т. Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. – М., 2005. Новая расширенная версия раннего этапа жизни Ленина раскрывается в книге: Логинова В.Т. Владимир Ленин: как стать вождем. – М., 2011.
- (33) Славин Б.Ф. Ленин против Сталина. Последний бой революционера. – М., 2010; Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». – М.–СПб., 2002; Колганов А.И. Миф о «немецком золоте» // *Альтернативы*. – 2006. – № 2.
- (34) См.: Енко К.И. Частная жизнь вождей. Ленин. Сталин. Троцкий. – М., 2000; Арутюнов А.А. Ленин. Личностная и политическая биография: В 2 т. – М., 2002; Данилов Е.Е. Ленин. Тайны жизни и смерти. – М., 2007; Соколов Б.В. Личная жизнь необычного человека. – М., 2010.
- (35) Есин С.Н. Смерть титана. – М., 2010.
- (36) Млечин Л.М. Ленин. Соблазнение России. – М., 2011.
- (37) См.: Anderson K. Lenin, Hegel, and Western Marxism: A Critical Study. – Urbana: University of Illinois Press, 1995.
- (38) Harding N. Leninism. – Durham: Duke University Press, 1996.
- (39) См.: Фишер Л. Жизнь Ленина: В 2 т. / Пер. с англ. – М., 1997; Service R. Lenin: A Political Life. – L., 1985, 1990, 1995. – Vol. 1–3. См. также об этом: Эктон Э., Гэтрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // *Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков*. – М., 1996. – С. 38–39.
- (40) Resnik A. Lenin: Founder of the Soviet Union. – Lnd., 2004; Read Ch. Lenin: A Revolutionary Life. – Lnd., 2005.
- (41) д'Анкосс Элен Каррер. Ленин. – М., 2010.
- (42) Бенно Э. Начало становления культа Ленина / Пер. с нем. // *Отечественная история*. – 1992. – № 5. – С. 191–205; Velikanova O. Making of an Idol: On Uses of Lenin. – Goettingen, 1996; Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С.Л. Сухарева. – СПб., 1997.
- (43) Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть / Пер. с англ. О.Л. Никулиной. – М., 2008. См. также обстоятельную рецензию на книгу Ольги Богуславской в журнале «Знамя» (2003. – № 1).
- (44) См.: Чебыкин В.А. Осторожно: фальсификация ленинского образа. – Астрахань, 1992; Он же. Самокритичный Ленин. – Астрахань, 1995; Волков Ф.Д. Великий Ленин и пигмеи истории. – М., 1996; Гончаров В.Н., Филиппов В.Н. Россия, Ленин и современный мир. – Барнаул, 1996.

- (45) См.: Правда. – 1995. – 21 апр.
- (46) См.: *Субетто А.И.* Владимир Ильич Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму. – СПб., 2010.
- (47) См.: *Клецевский В.А.* Тайна Ленина. – Томск, 1995; Аргументы и факты. – 1995. – № 20; *Лосев М.* Ленин. Пикантные подробности. – СПб., 2009 и др.
- (48) См.: *Feodoroff N. V.* Lenin // Political History of Russia. – Vol. 8. – № 2/3. – P. 99.
- (49) *Буртин Ю.* Три Ленина. К 75-летию со дня смерти // Независимая газета. – 1999. – 21 января. – С. 8.
- (50) См.: *Плимак Е.* Современные споры о Ленине. – С. 95.
- (51) *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура... – С. 46.

LENIN AS POLITICIAN AND PERSON IN LATEST RESEARCHES

E.A. Kotelenets

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the main stages and trends of studying Lenin as a politician and a person. Great attention is paid to the Russian and foreign researches of the last quarter of the century starting from the late 1980s up to now, to the new trends of the political figure comprehension– his cult and charisma, phenomenon of leaderism. The author explains the causes of the new wave of Lenin's apologetics as well as irrational interest in him, considers the perspectives of further studies of the revolutionary and reformer.

Key words: Leninism, theoretical heritage, cult, charisma, leaderism, politician' retinue, archive.